

Ювенал

**Мировая угроза. Этапы
русской революции**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ю14

Ю14 **Ювенал**
Мировая угроза. Этапы русской революции / Ювенал – М.: Книга по Требо-
ванию, 2022. – 58 с.

ISBN 978-5-458-42196-6

ISBN 978-5-458-42196-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

нѣмцамъ». Словомъ все, что можетъ быть наиболѣе тяжкаго въ области государственной измѣны, пособничества врагу и предательства, приписывалось старому правительству. Совершенно понятно, съ какимъ кипучимъ нетерпѣніемъ ожидало и русское общество и общественное мнѣніе заинтересованныхъ въ русскомъ фронтѣ европейскихъ странъ, раскрытія этой грандіознѣйшей панамы и безпощаднаго гласнаго суда надъ великими преступниками.

Подъ предсѣдательствомъ стараго революціонера московскаго присяжнаго повѣреннаго Муравьева нынѣ состоящимъ совѣтскимъ комиссаромъ была организована революціонно-слѣдственная комиссія, составленная не изъ простыхъ специалистовъ, а изъ такихъ людей, которые со специальными знаніями совмѣщали въ себѣ твердость испытанныхъ революціонеровъ, отъ которыхъ петропавловскимъ узникамъ нельзя было ждать ни малѣйшей поправки. Составъ комиссіи былъ утвержденъ Керенскимъ, который объявилъ, что всѣ обвиняемые въ кратчайшій срокъ предстанутъ предъ гласнымъ народнымъ судомъ и что по отношенію къ нимъ собраны неопровержимыя улики о такихъ злодѣяніяхъ, отъ которыхъ „міръ дрогнетъ“. По этому же поводу предсѣдатель революціонно-слѣдственной комиссіи Н. К. Муравьевъ сдѣлалъ заявленіе петроградскому совѣту рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, что въ отношеніи царскихъ министровъ установлены уничтожающія улики и что «всѣ они пойдутъ на каторжныя работы».

Но прошло семь мѣсяцевъ... и никто изъ узниковъ Петропавловской крѣпости такъ и не былъ преданъ «гласному народному суду», за исключеніемъ генерала Сухомлинова, который былъ отданъ подъ судъ еще при императорскомъ правительствѣ и къ которому еще до революціи была примѣнена мѣра пресѣченія.

Дѣло Сухомлинова, несмотря на всѣ старанія прокурора Носовича, свелось къ обвиненію бывшаго военнаго министра въ неиспользованіи военныхъ кредитовъ, т. е. въ недостаточно быстромъ израсходованіи тѣхъ суммъ, которыя на нужды военнаго министерства съ такими скандалами и затрудненіями вотиrowала Государственная Дума. Это было единственное обвиненіе, которое было доказано въ этомъ процессѣ, отъ котораго ждали вскрытія какой то чудовищной панамы предательства и безчисленныхъ измѣнъ.

Но что же въ концѣ концовъ раскрылось отъ чего долженъ былъ «дрогнуть міръ» за другими мрачными государственными преступниками—Штюмерами, Воейковыми, Протопоповыми и т. д.?

Предоставимъ отвѣчать фактамъ.

Штюмеру было предъявлено обвинение в томъ, что онъ израсходовалъ подвѣдомственныя ему казенныя деньги въ размѣрѣ 5000 р., хотя и на извѣстную вѣдомству цѣль— на покупку портсигара въ подарокъ одному иностранному дипломатическому представителю, но не предъявилъ на сей предметъ оправдательныхъ документовъ. Другихъ обвиненій къ Б. В. Штюмеру, одному изъ самыхъ одіозныхъ министровъ стараго правительства, предъявлено не было. Мало того, послѣ смерти Штюмера, здоровье котораго не вынесло „революціоннаго режима“ Петропавловской крѣпости, Н. К. Муравьевъ заявилъ его вдовѣ г-жѣ Штюмеръ слѣдующее: «Сударыня, я могу удостовѣрить, что относительно вашего покойнаго мужа установлена его полная невиновность во всѣхъ преступленіяхъ которыя ему приписывали. Дѣло о немъ будетъ прекращено». На это г-жа Штюмеръ заявила, что она наоборотъ требуетъ постановки дѣла о ея покойномъ мужѣ на судъ, его гласнаго разбора и такимъ путемъ полной реабилитаціи его имени. Въ этомъ г-жѣ Штюмеръ было отказано.

Графу Фредериксу было предъявлено обвинение в служебномъ подлогѣ, состоявшемъ въ томъ, что онъ офиціальнымъ письмомъ просилъ начальника дворцовой охраны принять на службу извѣстное ему лицо въ качествѣ повара, котораго просилъ откомандировать въ его распоряженіе. Но даже и это комическое обвинение оказалось вздорнымъ, по той простой причинѣ, что графъ Фредериксъ, какъ министръ двора, являлся прямымъ начальникомъ начальника дворцовой охраны и имѣлъ право приказать откомандировать къ нему на службу не только повара, но вообще любого служащаго. Другихъ обвиненій графу Фредериксу предъявлено не было.

Бывшему министру внутреннихъ дѣлъ Н. А. Маклакову было предъявлено обвинение в превышеніи власти, выразившимся въ томъ, что онъ въ то время, когда въ зданіи министерства происходила окраска стульевъ приказалъ выкрасить эмалью и стулья принадлежащіе лично ему, министру, на чемъ, по мнѣнію революціоннаго эксперта, страна и нація понесли убытокъ въ триста рублей. Другихъ обвиненій предъявлено не было.

Бывшему военному министру генералу Бѣляеву было предъявлено обвинение в превышеніи власти и служебномъ подлогѣ, выразившемся въ томъ, что во первыхъ, онъ перевелъ нѣкоего солдата изъ одной части въ другую по просьбѣ Императрицы; во вторыхъ, что письменно обратился на одинъ изъ пограничныхъ пунктовъ съ просьбой не особенно беспокоить осмотромъ одну сестру милосердія лично ему извѣстную. Другихъ обвиненій не было.

Начальнику дворцовой охраны генералу Спиридовичу было предъявлено обвинение въ превышеніи власти, состоявшемъ въ томъ, что онъ откомандировалъ на службу въ императорскій поѣздъ нѣкоего парикмахера Павла. Другихъ обвиненій предъявлено не было.

Остальнымъ узникамъ Петропавловской крѣпости—И. Г. Щегловитову, генералу Воейкову, Бѣлецкому, Вырубовой, Орлову и другимъ не было предъявлено никакихъ точно обоснованныхъ обвинений.

Мало того, въ іюль 1918 года, главный помощникъ предсѣдателя слѣдственно-революціонной комиссіи московскій присяжный повѣренный Тагеръ, также нынѣ большевистскій комиссаръ, производившій дознанія по дѣлу царскихъ министровъ возвращая конфискованные у генерала Дубенскаго дневники заявилъ ему: «могу вамъ сообщить, генераль, что ни одно изъ нашихъ обвиненій противъ чиновъ министерства двора не было доказано и ничѣмъ не было подтверждено, за исключеніемъ двухъ случаевъ превышенія власти: откомандированія повара въ распоряженіе графа Фредерикса и принятія на службу въ царскій поѣздъ парикмахера Павла».

Любопытенъ еще слѣдующій фактъ. Изъ 11 прокуроровъ судебныхъ палатъ единственный не былъ уволенъ Керенскимъ въ отставку—это прокуроръ вилѣнской судебной палаты Романовъ. Ему, какъ лицу, облеченному исключительнымъ довѣріемъ временнаго правительства Керенскій поручилъ произвести разслѣдованіе по дѣлу о Распутинѣ и всего что было связано съ именемъ Распутина, какъ относительно его близости къ Государынѣ, такъ и о злоупотребленіяхъ, о которыхъ ходила устная и газетная молва... Послѣ тщательнаго изученія всего слѣдственнаго матеріала г. Романовъ заявилъ, что ни единый фактъ слѣдствіемъ подтвержденъ не былъ несмотря на всестороннюю тщательность его производства. Самое слѣдствіе, какъ извѣстно, за отсутствіемъ какихъ бы то ни было, хотя бы косвенныхъ уликъ доказательствъ было прекращено.

Большое возбужденіе въ обществѣ вызвали газетныя свѣдѣнія, уличная молва и даже заявленіе членовъ временнаго правит. о «дьявольскомъ планѣ» Протопопова, будто бы размѣстившаго на крышахъ домовъ, на церквахъ и другихъ мѣстахъ огромное количество пулеметовъ. Соучастниками Протопопова въ этомъ дѣлѣ называли генераловъ Хабалова и Глобачева. Возбужденіе народныхъ массъ, подстрекаемыхъ агитаторами и печатью было такъ велико, что отдѣльныя толпы ходили по городу, взбирались на крыши

домовъ, разыскивая пулеметы и сидящихъ за ними переродѣтыхъ «протопоповскихъ фараоновъ» (городовыхъ). Керенскій не разъ заявлялъ, что ему удалось обнаружить весь адскій замыселъ и скоро всѣ «враги народа», разстрѣливавшіе изъ пулеметовъ «женщинъ и дѣтей» предстанутъ передъ судомъ. Какъ упорно утверждали, пулеметы дѣйствительно оказались на разныхъ возвышенныхъ мѣстахъ. Наряжено было специальное слѣдствіе. Возбужденіе длилось 2 недѣли. И вдругъ все оборвалось, замолкл и все дѣло кануло въ Лету.

Ни одинъ обвиняемый такъ и не предсталъ передъ судомъ и вся исторія была скомкана и замята и больше не не вспоминалась революціонной юстиціей.

Что же могла означать такая странная забывчивость и разсѣянность со стороны революціонной юстиціи и самого Керенскаго, вдругъ оставившихъ въ небреженіи такое козырное, такое сенсационное дѣло?

А оказалось вотъ что.

По даннымъ министерства внутреннихъ дѣлъ за мѣсяцъ до революціи съ Путиловскаго завода исчезло 300 пулеметовъ, приготовленныхъ къ отправкѣ на фронтъ. Эти пулеметы были, похищены революціонными заводскими ячейками на случай вооруженныхъ выступленій. Когда началась экономическая забастовка рабочихъ (23 февраля ст. ст. 1917 г.) и охватила почти всѣ фабрично-заводскія предпріятія, то распоряженіемъ градоначальника и главнокомандующаго войсками Петроградскаго округа охрана города была передана въ руки петроградскаго гарнизона, городъ былъ раздѣленъ на сектора и каждый секторъ ввѣренъ воинской части, полиція же была снята и придана къ этимъ воинскимъ частямъ.

Когда въ рабочія массы были брошены политическіе лозунги, и толпа двинулась къ Таврическому дворцу, эти пулеметы вожакими рабочими были разставлены и притомъ весьма неумѣло на крышахъ и въ разныхъ мѣстахъ на случай упорства войскъ въ отстаиваніи стараго режима, такъ какъ руководители революціоннаго движенія помнили неудачу 1905 года.

Къ 27-му февраля выяснилось, что войска не оказываютъ сопротивленія. Пулеметы были брошены на произволъ судьбы, ими завладѣли хулиганы, производившіе безпорядочную стрѣльбу.

Исполнительный комитетъ Г. Думы во главѣ съ Керенскимъ 2 недѣли упорно старался найти городовыхъ-пулеметчиковъ и связать дѣло о пулеметахъ со старой администраціей.

Обнаружить виновного было очень легко. На каждом пулеметѣ есть номеръ, годъ изготовленія и названіе завода, по которымъ легко было опредѣлить кому былъ выданъ пулеметъ.

Производившій слѣдствіе о пулеметахъ слѣдователь Колонтаевъ легко убѣдился, что эти пулеметы н и к о м у н е б ы л и в ы д а н ы, а были похищены.

Кромѣ этого не было найдено ни одного человѣка принадлежащаго къ полиціи, который стрѣлялъ бы изъ этихъ пулеметовъ.

На этомъ слѣдствіе и закончилось. Ни Протопоповъ, ни генер. Балкъ, Хабаловъ и Глобачевъ такъ и не представили обвиняемыми въ этомъ дѣлѣ.

Такимъ трагикомическимъ образомъ рухнула легенда о грандіозныхъ измѣнахъ, о подготовкѣ сепаратнаго мира, о предательствѣ и чудовищныхъ злоупотребленіяхъ агентовъ царскаго правительства, о которыхъ столько трубили мартовскія брошюры и газеты и о которыхъ, пылая благороднымъ гнѣвомъ, возвѣщали *utbi et orbi* Керенскій, Муравьевъ, Некрасовъ и другіе революціонные вожди. Пресловутая «придворная камарилья», которой приписывали мрачный заговоръ «противъ арміи и народа», оказалась глупой выдумкой, сплетней уличнаго листка. Въмѣсто ожидаемой картины «неслыханныхъ злодѣяній, отъ которыхъ долженъ былъ содрогнуться міръ», фигурировали просьбы о присылкѣ повара или парикмахера, выкрашенные за счетъ казны стулья министра и т. п. мелкія житейскія дразги.

Провалъ инсценированный революціонерами антрепренерами мелодрамы «Злодѣянія старой власти» былъ столь полнымъ и столь позорнымъ, что изъ революціонно-слѣдственной комиссіи, этой первой мартовской «чрезвычайки», стало бѣжать все, что въ ней было наиболѣе честнаго и совѣстливаго. Такъ вышелъ изъ состава Комиссіи сенаторъ Завадскій, за нимъ ушли еще нѣсколько почтенныхъ юристовъ, наконецъ и Родичевъ не выдержалъ и, сбѣжалъ. И въ мартовской чрезвычайкѣ остались только безпринципные авантюристы отъ революціи изъ теплой компаніи Керенскаго.

Такимъ образомъ, и съ этой стороны совершенно отпадаетъ версія, будто бы революція 1917 года явилась военной необходимостью, единственнымъ средствомъ для арміи порвать опутавшую ее паутину измѣны и предательства. Но отпадаетъ она и съ другой стороны, такъ какъ сказать, со стороны внѣшней. Послѣ революціи 1917 года были сдѣланы заявленія въ Англійскомъ Парламентѣ и во Французской Палатѣ Депутатовъ (г. Рибо) о томъ, что низложенный Государь былъ всегда вѣрнымъ союзникомъ Дер

жавъ Согласія и Россія до революціи 1917 года оставалась одной изъ главныхъ силъ антигерманской коалиціи. Окидывая бѣглымъ взглядомъ военное положеніе и состояніе Россіи за періодъ великой войны до революціи 1917 года, — можно констатировать слѣдующее:

1. Россія, подобно и другимъ странамъ Согласія, оказалась недостаточно подготовленной къ этой небывалой, превзошедшей всѣ масштабы, войнѣ. Однако, неподготовленность Россіи по сравненію съ другими союзниками все же представляется меньшей. Русская дореволюціонная армія, безпрерывно наступая, въ первую четверть войны прошла всю Галицію, ворвалась въ Восточную Пруссію и катастрофой подъ Сольдау выручила французовъ. Великобританія вовсе не имѣла сколько-нибудь значительной сухопутной арміи и создала ее во время войны, проводя законодательнымъ порядкомъ законъ о всеобщей повинности. Съ точки зрѣнія военныхъ дѣйствій Россія оказалась подготовленнѣе своихъ союзниковъ, ибо первымъ условіемъ военной подготовленности является мобилизація — этотъ страшный экзамень всей націи, гдѣ проявляется и личная распорядительность начальниковъ, и работоспособность военного механизма, и напряженіе всѣхъ силъ государства. Этотъ экзамень Россійская Имперія выдержала блестяще, осуществивъ мобилизацію на 6 дней скорѣе самыхъ осторожныхъ расчетовъ германскаго генеральнаго штаба. Теперь уже стало извѣстнымъ, что благодаря быстротѣ русской мобилизаціи удалось вторженіе русскихъ армій въ Восточную Пруссію, спасшее Францію отъ безусловнаго разгрома на второй же мѣсяцъ войны.

2. Поставленные въ началѣ кампаніи прогнозы относительно длительности войны оказались ошибочными, причемъ ошибались не только русскіе спеціалисты и военные писатели, но и иностранные (за исключеніемъ развѣ англичанъ), и большинство изъ нихъ сходилось во мнѣніи, что міровая война продлится всего четыре-пять мѣсяцевъ.

Расходъ снарядовъ въ эту войну былъ для военной науки явленіемъ совершенно новымъ и засталъ врасплохъ всѣ страны, особенно Францію. Въ дни лодзинскихъ боевъ только около Лодзи воюющими было выпущено снарядовъ болѣе, чѣмъ за всю русско-японскую кампанію и русскими и японцами. Вполнѣ естественно, что по прошествіи извѣстнаго срока и въ Россіи оказался недостатокъ въ снарядахъ и оружіи, при чемъ онъ былъ вполнѣ въ восполненъ заказами, сдѣланными военнымъ министерствомъ.

3. За время войны въ состояніи вооруженныхъ силъ Россіи обнаруживались различные дефекты. Однако, эти дефекты не носили характера специфическихъ условій тог-

дашняго русскаго строя, а были тѣми недочетами и недостатками, которые въ разной мѣрѣ обнаруживались въ арміяхъ и въ военномъ дѣлѣ другихъ воюющихъ государствъ. Если были отдѣльные случаи шпіонства или измѣны, то таковыя неизбѣжны во всякой арміи съ первой человѣческой войны, но, какъ видно по результатамъ работъ революціонно-слѣдственной комиссіи, никакой грандіозной панамы ни въ одномъ изъ вѣдомствъ обнаружено не было.

4. Уже въ 1916 году недостатки снаряженія и снабженія въ русской арміи были восполнены въ размѣрѣ, даже превышающемъ боевую потребность. Такъ, на юго-западномъ фронтѣ, на которомъ было сосредоточено 10 корпусовъ, въ 1916 году снабженіе снарядами достигло слѣдующей цифры: доставка 40 тысячъ снарядовъ ежедневно на каждый корпусъ. Неудивительно поэтому, что нынѣ, черезъ четыре года непрекращающихся военныхъ дѣйствій и несмотря на разруху, большевики все еще не могутъ исчерпать военныхъ запасовъ, заготовленныхъ для старой Императорской арміи.

Какъ теперь единогласно признано военными авторитетами—русскими и иностранными—и было засвидѣтельствовано покойнымъ генераломъ Алексѣевымъ,—къ началу 1917 года русская армія была во всеоружіи боевой готовности, всѣ сколько-нибудь значительныя военныя операціи и перегруппировки войскъ принимались не иначе, какъ послѣ согласованія ихъ съ общесоюзнымъ планомъ и послѣ стратегической разработки Верховнымъ Союзнымъ Военнымъ Совѣтомъ въ Парижѣ; весной же должно было начаться общее наступленіе всѣхъ союзниковъ, которое неминуемо должно было завершиться разгромомъ германской коалиціи.

Численность русской арміи была доведена до грандіозной цифры. Къ моменту переворота подъ ружье было призвано до 15 милліоновъ человѣкъ.

Если бы не было революціи, мы бы лѣтомъ 1917 года побѣдно закончили войну.

II.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПСЕВДОКЛАССИЦИЗМЪ.

Въ историческомъ смыслѣ совершенно безразлично, чего хотѣли русскіе революціонеры, подготавливая переворотъ 1917 года. Если среди нихъ оказалось множество явныхъ негодяевъ «пораженцевъ», предателей и

измѣнниковъ, то, конечно, были въ ихъ станѣ и наивные люди, мечтавшіе о томъ, что революція, устроенная во время величайшаго напряженія всѣхъ силъ государства, втянутого въ огненную орбиту небывалой войны, можетъ привести къ побѣдѣ и процвѣтанію націи.

Для судебъ Россіи не важно, что именно ее погубило въ 1917 году—глупость или измѣна революціонеровъ.

Для русскаго историка важно лишь то, что революція явилась той дырой въ преисподнюю, черезъ которую огромное и мсгучее Государство Россійское провалилось въ большевистскій адъ.

Вдумчивые русскіе люди, настоящіе патріоты, всегда полагали, что революція принесетъ Россіи только разрушеніе, море крови и анархію. Недостатка въ предостереженіяхъ не было. Величайшіе русскіе писатели и мыслители осуждали дѣятельность революціонеровъ и предсказывали, что въ революціи придетъ гибель и смерть Россіи. Пушкинъ молилъ Бога, чтобы Онъ не далъ ему дожить до революціи и увидѣть «русскій бунтъ безсмысленный и беспощадный». Владиміръ Соловьевъ называлъ Императора Николая I-го, наиболѣе круто обращавашагося съ революціонерами, великимъ государемъ и патріотомъ. Левъ Толстой въ 1905 году рѣзко осудилъ дѣятельность революціонеровъ. Достоевскій провидѣлъ русскую революцію именно въ большевистскихъ, безбожныхъ «бѣсовскихъ» очертаніяхъ.

Одно изъ самыхъ роковыхъ заблужденій—это пытаться создавать революціи по заранѣе опредѣленному плану и одобренному образцу. Маневры и парады и то не всегда удаются по «дисциплинѣ», ибо въ нихъ дѣйствуютъ, хотя и спеціально дисциплинированные, но все же живые люди, и возникаютъ всевозможныя непредвидѣнныя случайности. Революціонное движеніе, охватившее широкія народныя массы,—это стихія. Предписать революціонной стихіи извѣстныя утвержденныя формы—невозможно. Революція въ каждой націи сама опредѣляетъ свои формы, которыя можно предвидѣть и предугадывать, но которыми, послѣ того какъ революція вызвана къ жизни, нельзя руководить и измѣнять ихъ по теоретическому плану. Раскрытіе формъ революціи происходитъ не сразу. Революціи могутъ начаться изъ-за любого предлога, но это еще не раскрываетъ ихъ подлинной сущности, которая выявляется гораздо позднѣе, когда первоначальный предлогъ, первый титулъ революціи уже презрѣнъ и забытъ.

Революція 1917 года является замѣчательнымъ образцомъ внутренней антиноміи, глубочайшаго противорѣчія между первоначальной формой—такъ сказать, титуломъ

революціи—и ея содержаніемъ. Въ то время, какъ члены прогрессивнаго думскаго блока, земскіе и городскіе дѣятели, московскіе промышленники и другіе устроители мартовскаго переворота были увѣрены (иные дѣлали видъ, что увѣрены), что они организуютъ революцію для продолженія войны съ нѣмцами, «до побѣднаго конца»,—народно-солдатская масса пошла за ними въ революцію т о л ь к о п о т о м у, что видѣла въ ней единственную возможность выхода изъ опостылѣвшей безконечной войны.

Итакъ, титулъ революціи былъ—«революція для побѣды», а актуальное содержаніе—«за немедленный миръ». Въ этомъ противорѣчьи сказалась вся классическая «безпочвенность» нашей интеллигенціи, ея полное невѣдѣніе русскаго народа. Русскій интеллигентъ такъ и остался неизмѣннымъ со временъ Щедрина «иностраннымъ консуломъ» среди русскаго народа. Даже въ революціи, произведенной якобы во имя народа, интеллигенція такъ и не поняла психологіи народныхъ массъ, не поняла, п о ч е м у и з а ч т о и м е н н о народъ примкнулъ къ революціонному движенію.

Добольшевицкій періодъ революціи является искусственной формой, которую пытались навязать вызванной ими на волю революціонной стихіи доктринеры и теоретики революціи.

Это—ложноклассическій періодъ русской революціи.

Все въ немъ лживо, напыщенно и эфемерно. Сверху до низу полонъ онъ противорѣчіями, отъ которыхъ рушится всякое начинаніе нашихъ «первыхъ народныхъ министровъ», натуживающихся изъ всѣхъ силъ, чтобы скопировать классическій французскій образецъ. Лживость и фальшь являются особенно характерными чертами эпохи русскаго революціоннаго псевдоклассицизма. Со лжи онъ начинается, ложью и кончается. Первая телеграмма Родзянки, возвѣстившая всей Россіи и фронту о томъ, что „отнынѣ вся полнота власти въ странѣ принадлежитъ исполнительному комитету Государственной Думы“, вмѣстѣ съ тѣмъ и первая официальная ложь. Прежде всего въ тѣ весенніе дни никому рѣшительно „вся полнота власти“ въ Россіи не принадлежала и уже менѣе всего комитету государственной думы, который былъ только фикціей и жалкой игрушкой въ рукахъ петроградскаго совѣта рабочихъ депутатовъ.

Ложью были увѣренія, сдѣланныя членами временнаго правительства союзнымъ посламъ о томъ, что будто бы революціонная русская армія болѣе чѣмъ когда либо готова къ бою и «рвется разгромить нѣмцевъ», ибо тотчасъ послѣ переворота начался вихревой развалъ фронта и тыла: Пет-

роградскій и Кронштадскій гарнизоны—эта „краса и гордость революціи“ въ первую очередь отказались выступить на фронтъ; началось ничѣмъ не удержимое дезертирство, возраставшее съ каждымъ днемъ и принявшее размѣры подлинной самодемобилизації арміи, анархическимъ путемъ приводившей себя на мирное положеніе. Наглою ложью являлось бахвальство «великой безкровной революціей», ибо съ самаго марта 1917 года начались по всей Россіи кровавыя расправы, погромы помѣщичьихъ усадебъ, совершались убійства адмираловъ Вирена и Непенина, звѣрское избиеніе офицеровъ на «Петропавловскѣ», въ Гельсингфорсѣ, въ Кронштадтѣ и въ Выборгѣ, налеты матросскихъ шаекъ на частныя квартиры, сопровождающіеся разстрѣломъ обывателей и грабежами и, наконецъ, дикіе самосуды толпы надъ уличными ворами.

Всѣ страницы «великой безкровной російской революціи» положительно слиплись отъ крови, и много пройдетъ еще временій пока будутъ выяснены и оглашены хотя бы частью имена умученныхъ и убиенныхъ.

Какъ и полагается ложноклассическому дѣйству, мартовскій періодъ революціи сопровождался безконечной, нудной и напыщенной болтовней. Отверзлись хляби всеобщей безудержной, пустопорожней риторики. Врали, кривлялись (Керенскіи), вскакивали на столы и бахвалились (Некрасовъ) министры временнаго правительства въ безчисленныхъ за-сѣданіяхъ, комиссіяхъ, совѣщаніяхъ и предпарламентахъ. Несли утомительную чепуху ораторы на митингахъ у памятника Пушкина въ Москвѣ и на Марсовомъ полѣ въ Петроградѣ. Ложь и пустословіе печати достигли невиданныхъ размѣровъ. Газеты превратились въ дворовую челядь революціи, кадили фиміамы передъ «великой безкровной» грубо льстили политическимъ авантюристамъ въ родѣ Керенскаго, котораго газетки этой эпохи величали «первымъ любовникомъ революціи» и нагло врали, увѣряя, что Россія всупила на путь славы и государственнаго расцвѣта, — это въ то время—то, когда Россія, какъ государство, расплзлась по всѣмъ швамъ и превращалась въ кровавый хаосъ. Изъ вороха законодательной болтовни временнаго правительства будущій историкъ съ трудомъ выудить, можетъ быть, два самостоятельныхъ и новыхъ закона: это законъ о равноправіи евреевъ и... законъ объ отмѣнѣ буквы ѣ. На этомъ законодательное революціонное творчество себя окончательно истощило и всѣ остальные акты носятъ характеръ произвольныхъ распоряженій, которые сегодня издаются, а завтра отмѣняются, не внося рѣшительно ничего въ жизнь страны. Эта эпоха ознаменовалась великимъ растлѣніемъ нравовъ. Въ городахъ пышно распустился улич-